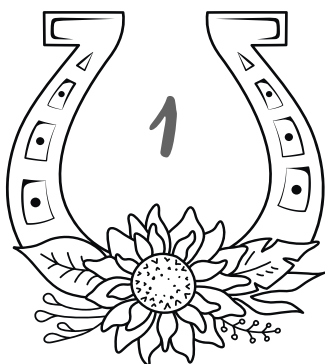

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	48
Глава 6	68
Глава 7	84
Глава 8	104
Глава 9	116
Глава 10	135
Глава 11	151
Глава 12	171

— Соколова, ты опоздала! Мало того, что отстаешь ото всех, так еще и дисциплину нарушаешь!

Запыхавшаяся и растерянная, я смотрела на след от подковы, оставленный какой-то из лошадей на песке манежа. Видеть недовольное лицо тренера Алексея Викторовича не хотелось. Я понимала, что он прав.

— Ты первая должна быть на конюшне и в седле, чтобы угнаться за остальными и чтобы я поверил, что ты хоть на что-то годишься.

Я чувствовала, как горят щеки от стыда и обиды. Другая бы на моем месте еще и заплакала, но я с детства заменяла слезы более

разрушительными чувствами или действиями. Поэтому сейчас я сжимала и разжимала в руках повод и надеялась, что мне все же разрешат сесть в седло.

— Ну что ты стоишь как вкопанная! И так всю разминку пропустила... Когда теперь конь будет разогревать мышцы? Ты хоть понимаешь, что из-за недостаточной разминки у лошадей случаются травмы? А!..

Алексей Викторович махнул рукой. От недовольства и крика, потому что он стоял в середине манежа, а я — в углу, его лицо покраснело, а голос под конец тирады охрип.

— И что я с тобой вожусь? Ведь никаких данных. Еще и пришла в группу позже других.

Последние слова он пробурчал себе под нос, но у меня всегда был хороший слух. Я суетливо залезла в седло. Это давалось мне все проще, хотя ногой в стремя я все равно попала не с первого раза. Пока отшагивала коня, украдкой смотрела на остальных и невольно сравнивала себя с ними.

Бойкую и очень разговорчивую Риту поставили во главу смены. Она уверенно держалась на аллюрах и четко руководила лошадью. Я бы даже сказала, что местами нагло и бесцеремонно. А еще она была худой, невысокой и энергичной. А я?

А меня мама прочила в модели из-за моего роста. Вот только на росте все и заканчивалось. Толстой я, конечно, не была никогда, но и стройной меня не назвать. Лишние килограммы путешествовали по жизни со мной с тех пор, как мне исполнилось семь, и у меня ничего не получалось с этим сделать. Но, если говорить честно, я не очень-то и пыталась. То же самое касалось и осанки. Из-за большого роста мне все время хотелось пригнуться, чтобы быть больше похожей на остальных детей моего возраста.

А еще я была жутко неуклюжей. Если на моем пути встречались неровности дороги, не до конца открытые двери, углы столов и высокие пороги, то мое тело непременно

знакомилось с ними слишком близко. Так близко, что синяки, ссадины и ушибы стали моими верными друзьями. Мама говорила: «Ну какой тебе спорт? Ты же убьешься». Хотя при этом продолжала верить, что я стану моделью.

Я и сама думала, что, возможно, спорт — это не моя стезя и я трачу время, свое, тренера, а еще и лошади — понапрасну. Но жгучее желание, которое жило под кожей и в груди, сколько я себя помню, тянуло меня к лошадям. И вот на свой двенадцатый день рождения я перестала ему сопротивляться.

Моя мама, дизайнер одежды, поклонница высокого искусства и просто творческая личность, никогда не понимала моего желания заниматься каким угодно спортом. А тем более конным. Пот, грязь, усталость, вероятность получить травму... Мама считала, что человек создан для того, чтобы наслаждаться жизнью и творить. Но когда я при всех гостях, что пришли поздравить меня с днем рождения, попросила отпра-

вить меня в спортивную группу ближайшего конно-спортивного комплекса, она вынуждена была согласиться.

Папа с лукавой улыбкой в глазах переводил взгляд с меня на маму. Его позиция в вопросе моего воспитания была проста: папа не лез в воспитание девочки, но всегда поддерживал меня, а еще он говорил: «У тебя острый ум и огромная сила воли. Ты со всем справишься сама». Видимо, в этот раз я проявила и то, и другое.

Мы с Патриотом, или, как я ласково звала его, Петей, перешли к разминочной рыси. Я все еще не очень хорошо сидела на этом аллюре, но неизменно старалась поправлять себя: пятка вниз, ноги прижать, спину ровно, подбородок выше. В интернете я каждый день смотрела видео лучших всадников мира и представляла себя на их месте, а потом на тренировках старалась сидеть так же, как они.

Мы срезали манеж вдоль короткой стенки, и я смогла посмотреть в зеркало, вися-

щее во всю длину стены. Да-а... Представлять себя на месте именитых всадников я могла сколько угодно, но реальность сильно отличалась от желаемого. В отражении я увидела лишь карикатуру и тяжело вздохнула, вновь поправляя себя.

Пятки, ноги, спина, подбородок... локти еще согнуть. «Повторение — мать учения» и «Без крепкого фундамента невозможно построить красивый дом» — скороговоркой я твердила себе любимые присказки моей учительницы по математике Веры Васильевны и пыталась найти в них утешение. На втором кругу не без удовольствия я отметила, что смогла исправить ошибки в посадке, вот только надолго меня не хватало, и я чувствовала, как все возвращается обратно в состояние «карикатуры».

А вот Петя был великолепен. Из-за высокого роста мне подходили не все лошади: большинство были для меня мелковаты, поэтому мне достался статный мерин траккененской породы Патриот. Он выглядел

элегантнее многих других учебных лошадей, а его гнедая масть на солнце пылала огненными всполохами; при этом густая грива и огромный пушистый хвост были черными, как смоль. Такими же были ноги ниже скакательного сустава и бархатный нос. Алеся, девочка из старшей группы, рассказывала, что Патриота покупали для спорта, но на одной из тренировок он получил травму и теперь не мог нести серьезные нагрузки. Зато он отлично учил новичков: таких как я.

Я засмотрелась на отражение коня и не сразу услышала командный голос тренера:

— Соколова! Катя!!! Я тебе уже третий раз повторяю: можешь присоединиться к остальным. Отрабатываем серпантин.

И правда, судя по хаосу в манеже, все отрабатывали именно серпантин, при этом мешая друг другу.

Мне удалось грамотно исполнить элемент всего пару раз, и я постаралась сделать его как можно лучше. «Пятка, ноги, спина, подбо-

родок, согнуть локти...» — повторяла я как мантру.

Мой папа, отучившийся в медицинском и после службы работающий хирургом, всегда говорил, что для выработки условного рефлекса требуется примерно три месяца. Поэтому я терпела и заставляла себя каждый день поправлять посадку в надежде, что когда-нибудь она станет идеальной и мне не нужно будет тратить на это столько сил — все будет держаться на этом самом пресловутом условном рефлексе. Но еще папа говорил, что у каждого человека время, за которое он вырабатывается, может быть индивидуальным... Что ж, надеюсь, мое не будет слишком уж отличаться от среднестатистического.

Тренировка для меня сегодня закончилась быстро, ведь я опоздала на пятнадцать минут. Пропустить пятнадцать минут скучнейшего урока истории — счастье. Поехать на пятнадцать минут меньше на коне — горе. Я поставила Петю на развязки

и стала снимать седло. Оно было тяжелым, и я пошатнулась, пока несла его в амуничник.

На выходе я столкнулась с Алексеем Викторовичем.

— Катя, если будешь опаздывать, то ничему не научишься и точно провалишь переводной экзамен в конце года. Я два раза повторять не буду. Перестань витать в облаках и начни оправдывать доверие, которым тебя наградила Юлия Федоровна.

Я поспешно кивнула и почти бегом понеслась обратно к коню: продолжать разговор не хотелось. Да и о чем тут говорить? Я была виновата на все сто процентов. Самое обидное, что на конюшню-то я пришла первая из своей группы. . . Как всегда, причиной послужила моя неуклюжесть. Сначала вальтрап упал в опилки и пришлось его чистить заново. Потом я слишком сильно дернула собачку на крагах, и она вылетела. Я так долго провозилась с ней, что не заметила, как вся группа ушла. Только голуби курлыкали и под-

бирали овес, выпавший из кормушек лошадей.

«Эх.. Петя, похоже, тебе достался самый неудачливый всадник». Я погладила коня по большой мускулистой шее. Пальцы плавно скользили по мягкой лоснящейся шерсти. Это успокоило и подняло настроение.

Я протянула Пете на раскрытой ладони ровный кругляшок сладкой моркови. Его шершавые губы мигом нашли угощение, и он, прикрыв глаза от удовольствия, стоял и жевал его. А я смотрела на изящное и доброе животное и чувствовала, что ради общения с ним вытерплю что угодно.

